

Лирический мир Милоша Црнянского в оценке Г.Я. Ильиной

Аннотация:

В статье отмечается значительный вклад Г.Я. Ильиной в изучение прозы М. Црнянского, ее эстетической ценности, жанрового своеобразия и философской направленности. Отмечено, что Ильина относит «Записки о Чарноевиче» Црнянского к романному жанру, выделяет эпическое начало в романе «Переселения». Оправданному переосмыслению подвергаются Ильиной сложившиеся представления о концепции мира и человека в «Записках». С учетом критики Ильиной «метафизических идей» в романе «Переселения» предлагается их рассмотрение в контексте барокко и буддизма.

Ключевые слова:

М. Црнянский, Г.Я. Ильина, «Записки о Чарноевиче», «Переселения», жанровая специфика, «метафизические идеи»

*Sergey N. MESCHERYAKOV
(Moscow)*

The lyrical world of Miloš Crnjanski in the interpretation of G.Ya. Ilyina

Abstract:

The article considers the significant contribution of G.Ya. Ilyina to the study of M. Crnjanski's prose, its aesthetic value, genre originality and philosophical orientation. It is noted that Ilyina refers «The Journal of Carnojevic» by Crnjanski to the novel genre, highlights the epic influence in the novel «Migrations». Ilyina justly reconsiders the prevailing views on the concepts of the world and man in «The Journal». Considering the fact that Ilyina criticized the «metaphysical ideas» in the novel «Migrations», it is proposed to consider them in the context of the Baroque and Buddhism.

Keywords:

M. Crnjanski, G.Ya. Ilyina, «The Journal of Carnojevic», «Migrations», genre specificity, «metaphysical ideas»

«Лирический мир Милоша Црнянского» — название одного из разделов монографии Галины Яковлевны Ильиной «Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в.». В работе наряду с творчеством Црнянского анализировались произведения А. Цесарца, М. Крлежи, П. Воранца — крупнейших писателей этой эпохи, что свидетельствовало о широте охвата материала. При этом серьезное обращение к Црнянскому в те годы в нашей стране представлялось явлением безусловно новаторским.

Без сомнения всем было известно, что Милош Црнянский (1893–1977) наряду с Иво Андричем — классик сербской литературы XX в., что его творчеству в Сербии было посвящено множество сборников и монографических исследований¹. Однако в нашем литературоведении вплоть до 80-х гг. прошлого столетия Црнянскому не уделялось должного внимания, и редкие отзывы о нем в силу его крайне консервативной политической позиции были, как правило, отрицательными.

Первый значительный шаг в изучении творчества Црнянского в нашей стране на рубеже 1970–80-х гг. был сделан Н.Б. Яковлевой, чему способствовал факт перевода лучшего романа Црнянского «Переселение» на русский язык в 1978 г. (оригинальное название романа: «Переселения» (1929) и «Вторая книга Переселений» (1962)). При этом в предисловии к роману Яковлева, в основном, не касалась политических взглядов писателя, стремясь обойти острые углы, равно как и в своей книге «Современный роман Югославии»².

В отличие от Яковлевой, Г.Я. Ильина в своей монографии не избегает оценки политических убеждений писателя и вступает в полемику не только с сербскими, но и с российскими литературоведами, по-новому подходит к восприятию творчества Црнянского, что тогда свидетельствовало о безусловном мужестве исследователя, о его способности отстаивать собственную позицию.

В отличие от ряда сербских критиков и литературоведов, уходивших от характеристики общественно-политической ситуации, Ильина сразу помещает писателя в соответствующий контекст. Исследователь объясняет, почему в силу исторических обстоятельств в сербском экспрессионизме не нашло проявления революционное течение и почему протест Црнянского против существующей действительности носил

весьма ограниченный характер. Ильина не скрывает принадлежности Црнянского в 1930-е гг. к крайне правому лагерю, объясняя это в том числе и изменением политической ситуации в стране, усилением национальной и социальной напряженности, установлением в Югославии в 1929 г. режима военно-монархической диктатуры. Таким образом, Црнянский, писатель, казалось бы, не чуждый социалистической ориентации к началу 1920-х гг., в дальнейшем становится «рыцарем-защитником» крайне консервативных взглядов.

Последующие факты биографии Црнянского — эмиграция в Лондон вместе с королевским правительством Петра II Карагеоргиевича в начале Второй мировой войны, двадцатилетнее пребывание в Англии и возвращение в Югославию лишь в середине 1960-х гг. с разрешения правительства страны — стали закономерным следствием занятой писателем в 1930-е гг. политической позиции.

Ильина справедливо выявляет тесную связь творческой эволюции писателя с эволюцией его общественных взглядов. Она отмечает, что художественные произведения Црнянского 1920-х гг., его поэзия, романы принесли ему заслуженную славу и признание исключительности таланта. Однако в 1930-е гг. увлеченный политикой писатель не создает произведений, достойных его имени.

В стремлении к полной, глубокой характеристике романов Црнянского Ильина закономерно обращается к его раннему творчеству, поэзии, обусловленной участием писателя в Первой мировой войне. Казалось бы, неприятие милитаризма, официальной идеологии, «национально-патриотически — романтического» воспитания (термин Ильиной (С. 36³)) роднит его с крупнейшим хорватским художником слова М. Крлежей. Однако, в отличие от социально-активной литературной деятельности Крлежи, Црнянский, по словам Ильиной, уходит в страну грез и мечтаний. Утверждение сербского литературоведа М. Ломпара о близости Црнянского к боевому, активистскому направлению в сербском экспрессионизме подвергается Ильиной обоснованной критике.

При этом уже в 1920-е гг. Црнянский-публицист весьма далек от страны поэтических грез и идеальных мечтаний Црнянского-художника, в публицистике его политические взгляды уже в это время находят достаточно четкое проявление, направленное против левой ориентации в искусстве. Рассматривая рецензию Црнянского на роман

А. Барбюса «Огонь», российский исследователь отмечает неприятие сербским писателем «антиэстетизма» военных сцен, откровенной антимилитаристской направленности романа, его ярко выраженной тенденциозности. При этом, как отмечает Ильина, книгу Барбюса высоко оценили не только писатели революционной ориентации, такие, как Крлежа и Цесарец, но и писатели общедемократической направленности, такие, как Андрич.

В отличие от Барбюса, Црнянский в «Записках о Чарноевиче», опубликованных в 1921 г. и также посвященных изображению Первой мировой войны, опирается, по словам Ильиной, «на модернистскую концепцию, основанную на восприятии жизни как бессмысленной круговерти» (С. 44–45). Исследователь при этом сопоставляет «Записки» с новеллой Крлежи «Хорватская рапсодия», где сохраняется оптимистическая направленность, хотя и у Црнянского, и у Крлежи проявляется «экспрессионистское видение тогдашнего мира» (С. 47).

При этом Црнянский, конечно, не призывают к каким-либо решительным поступкам, хотя действительность у него представлена весьма неприглядно. Здесь мало картин сражений с ужасами и страданиями людей, однако, по словам писателя, эта жизнь может быть названа «троглодитской». В произведении упоминаются тюрьма, учения, «вонючая, вшивая и дерьмовая казарма», «грязные, вшивые и голодные солдаты», тупо ожидающие смерти. Характерно, что чин главного героя произведения Петара Раича — «пушечное мясо» (С. 41).

Однако грязь и жестокость войны не вызывают у писателя и его главного героя активного протеста. Будучи не в состоянии изменить окружающий мир, Раич демонстрирует внешне циничное, равнодушное отношение к событиям и людям, сохраняя любовь лишь к природе. Как отмечает Ильина, «критика обычно рисует героя Црнянского полным нигилистом, человеком, избравшим для себя позицию над всем происходящим» (С. 39–40). Однако суть героя совсем не такова. Его «цинизм», как отмечает Ильина, это лишь боязнь «показаться сентиментальным», маска стыдливости, прикрывающая человечность. Отсюда и противоречивость высказываний героя: «Я так мало люблю людей...» — «как мне жать этих людей».

Наряду с «тотальным нигилизмом» Раича критика традиционно отмечала его «тотальный индивидуализм». И здесь Ильина высту-

пает против абсолютизации подобного утверждения. «Внимательно вчитываясь в текст, можно почувствовать в излияниях Раича выражение страдания многих, тех миллионов, что во всех воюющих странах были вовлечены в кровавую бойню», — пишет исследователь (С. 42).

Таким образом, меняется или, по крайней мере, уточняется представление о концепции мира и человека у Црнянского. Не менее важным представляется взгляд Ильиной на жанровую специфику произведения. Исследователь отмечает, что о «Записках» сложилось традиционное представление как о «лирическом тексте»: «Прозаический текст Црнянского действительно [...] может быть назван лирическим. Кстати, об этом писалось с момента появления этого произведения» (С. 44). Тем не менее, по словам Ильиной, это произведение, «несмотря на кажущуюся свою бесформенность, имеет концепционные и жанровые приметы романа, романа модернистской ориентации» (С. 44). В дальнейшем исследователь прямо называет «Записки» романом, что представляется вполне оправданным.

Роман Црнянского, как известно, не вышел за пределы Югославии. Однако, как и романы Э. Хемингуэя, Р. Олдингтона, Э.М. Ремарка, «Записки о Чарноевиче» — исповедь «потерянного поколения», ощутившего ужасы кровавой бойни и горечь утраты идеалов. При этом в очень аккуратной форме Ильина соотносит эстетическую ценность произведений классиков мировой литературы и сербского писателя. «Добротному реализму» признанных классиков, «подчеркнутой трезвости мышления их героев» исследователь противопоставляет драматизм «непосредственного переживания только что вышедшего из войны человека» „с его сумятицей мыслей и чувств” у Црнянского (С. 47). Роман Црнянского, по замечанию Ильиной, значительно опередил свое время и нашел продолжение в югославянских литературах лишь в 50–60-е гг. XX в. В нашей стране перевод этого произведения был опубликован лишь в 2019 г.⁴

Как и «Записки о Чарноевиче», «Переселения» (1929) в целом получили высокую оценку критики, увидевшей и в этом произведении образец «поэтического романа», с чем согласна и Ильина: не случайно раздел в монографии назван «Лирический мир Милоша Црнянского». Вместе с тем исследователь справедливо подчеркивает эпическое звучание произведения, «дух хроникальности», прису-

щий стилю изложения, обращение сербского писателя к фольклору. «Возник лирический роман с сильным эпическим началом, синтезировавший лирическую глубину и насыщенность с объективной объемностью содержания», — пишет она (С. 56).

При этом, по справедливому мнению Г.Я. Ильиной, к моменту появления романа «Переселения», «экспрессионистские формы, по сути дела, себя исчерпали. „Переселения” Црнянского свидетельствовали о поиске новых путей модернистским романом» (С. 48). Однако, с другой стороны, российским ученым приводится мнение авторитетного сербского критика М. Богдановича, утверждавшего, что роман Црнянского во многом является примером экспрессионизма (С. 55). И здесь же сама Ильина подчеркивает роль «экспрессивно-выразительных моментов» в романе Црнянского. Очевидно, что некоторая двойственность оценки была связана с неоднозначностью самого произведения.

Впрочем, вопрос соотносительности романа с экспрессионизмом был не столь важен для критики. Гораздо больший интерес вызвали идеи Црнянского, открыто высказанные в произведении. Так, с одной стороны, в сербском литературоведении утвердилась мысль об ограниченности «мировоззренческого регистра» Црнянского, о вторичности большинства идей и ощущений писателя. Однако, с другой стороны, как справедливо отмечает Ильина, «именно в этих метафизических и признаваемых ими не новыми идеях большинство югославских литературоведов видят непреходящее значение произведений писателя, отводя самому художественному содержанию его романа «Переселения» роль фактографической основы» (С. 49).

Таким образом, возникает вопрос о ценности «метафизических идей» Црнянского и о соотносительности их с «художественным содержанием» романа. Очевидно, что подобное членение произведения представляется недопустимым. Ильина вполне обоснованно отмечает, что «художественную концепцию романа [...] составляют оба эти плана, не существующие в нем один без другого и теряющие один без другого всякий смысл» (С. 49). Однако при этом исследователь относится с некоторым недоверием к «метафизическим идеям» Црнянского. Конечно, нельзя не согласиться с утверждением ученого, что «абсолютизация лишь философских аспектов романа приводит к сужению действительного значения этого произведе-

ния» (С. 49). Однако в дальнейшем, в заключительной части раздела о Црнянском, утверждается, что «в его романе откровенно действуют идеи-поводыри, являющиеся воплощением его идеалистической философии и составляющие часть художественной системы романа. Все эти идеи, образно говоря, паразитируют на реальном жизненном материале» (С. 58).

Безусловно, замечание Ильиной об идеалистической философии Црнянского, о значимости его идей для произведения не вызывает сомнений. Однако утверждение о «паразитировании» идей «на реальном жизненном материале» представляется излишне резким. Тем более, что ранее сама Ильина отмечала, что оба плана не существуют один без другого. Взаимосвязь, взаимообусловленность их вряд ли допускают столь жесткое определение. Да и «метафизические идеи» Црнянского во многом отражают дух времени, эпохи разочарования и поиска новых идеалов. При этом «модернизм» писателя тесно связан с традициями барокко и буддизма, воплощает связь Запада и Востока.

Восток, по словам Црнянского, это воплощение «небесной мудрости» и всего «прозрачного, мирного, вечного». Что же касается Европы, то ее, по словам Црнянского, к сожалению, коснулась «лишь слабая тень буддизма»⁵. Впрочем, к буддизму в Европе обращаются Шопенгауэр и Ницше, несколько позднее близость некоторым аспектам буддийского мировоззрения демонстрирует Метерлинк. В Сербии в 1917 г. П. Слепчевич защищает докторскую диссертацию «Буддизм в немецкой литературе».

Близость буддийскому мировоззрению проявляется в «Переселениях» постоянно. Устремленность писателя к Небу очевидна. Первая и последняя главы «Переселений» названы одинаково: «Беспредельный голубой круг. В нем — звезда». Точно так же устремленность к Небу присуща и чань-буддизму. «Будда — лазурный небосвод», — утверждает школа юньмэнь.

Роднят Црнянского с буддизмом и мысль о нерасчлененности субъекта и объекта, человека и природы, и метод интуитивного познания действительности, и признание всего переживаемого в эмпирическом мире иллюзией, и идея «переселения» — «перерождения», и понимание «пустоты» как основы мироздания, и утверждение противоречивости мира. Кстати, противоречивость суждений Црнянского отмечает Ильина, анализируя роман «Записки о Черноевиче».

Парадоксальность, противоречивость буддизма (призрачность мира и вместе с тем его реальность подлинность, противопоставление сансары нирване и стирание отличий между ними, тенденции к дуализму и нейтрализации оппозиций, признание ценности как интеллекта, так и интуиции) совпадает с аналогичным видением жизни у Црнянского.

При этом сочетание противоположностей у Црнянского напоминает о барокко с его антиномиями. Отметим, что интерес к барокко проявляется в Европе почти одновременно с интересом к буддизму. Так, в статье Х. Ортеги-и-Гассета «Воля к барокко», написанной в 1915 г., утверждается близость барокко современной эпохе⁶. В том же году В. Штамлер говорит о литературе барокко, а в начале 1920-х гг. А. Хюбшер представляет барокко как оформление антитестического жизненного чувства.

Не вызывает сомнений связь барокко с авангардом. Уже в XVII в. представители эпохи барокко называли свой стиль «модернизмом». По словам Ж. Бенчич, «и барочных писателей, и авангардистов отличает повышенное сознание собственного “модернитета” и в связи с этим одинаковое отношение к литературной традиции»⁷. О близости авангарда к барокко свидетельствуют и другие исследователи.

Барокко присущи устремленность к Небу и в то же время демонизм. То же и у Црнянского: Ломпар не случайно проводит параллели между сербским писателем и Мефистофелем⁸. В духе барокко решается у Црнянского проблема отношений человека и времени, мир предстает театром, где правит «комедиант случай», а сама жизнь в «Переселениях» — это бессмысленность, тщетность, Vanitas.

Мир «метафизических идей» Црнянского, рассмотренных в контексте духовного опыта человечества, обретает, таким образом, целостность и завершенность, однако концепция мира и человека сербского писателя, естественно, может вызывать неприятие читателя, обращенного к традиционным ценностям. Сам Црнянский в завершении «Второй книги Переселений» отходит от буддизма и радостно заявляет о победе над смертью: «Есть переселение. Смерти нет!»⁹

Исследование Ильиной означало новый подход к романам писателя, переосмысление выраженной в них концепции мира и человека, глубокое осознание их эстетической ценности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Miloš Crnjanski. Beograd, 1966. Милош Црњански. Београд, 1972. *Милошевић Н.* Роман Милоша Црњанског. Београд, 1970. *Цајић П.* Простори среће у делу Милоша Црњанског. Београд, 1976. *Леовац С.* Романсијер Милош Црњански. Сарајево, 1981. *Роповић М.* Crnjanski između dva sveta. Beograd, 1984. *Вунјас В.* Kamenovani Crnjanski. Valjevo, 1986.
- ² *Яковлева Н.Б.* Современный роман Югославии. М., 1980.
- ³ Здесь и далее монография «Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в.» с указанием страниц в круглых скобках цитируется по изданию: *Ильина Г.Я.* Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в. М., 1985.
- ⁴ *Црњански М.* Дневник о Чарноевиче. М., 1919. Переводчик Е.В. Сагалович перевела название романа в прямом соответствии с названием оригинала — «Дневник о Чарноевићу».
- ⁵ *Црњански М.* Сабрана дела. Београд, 1966. Т. 4. С. 281–282.
- ⁶ *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 102.
- ⁷ Барокко в авангарде — авангард в барокко. М., 1993. С. 7.
- ⁸ *Ломпар М.* Црњански и Мефистофел. Београд, 2000.
- ⁹ *Црњански М.* Переселение. М., 1978. Т. 2. С. 493.